

倚

С Ю С А К У Э Н Д О

С А М У Р А Й

INSPIRIA

Москва
2024

УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44
Э64

Shusaku Endo
THE SAMURAI (SAMURAI)
Copyright © 1980, The Heirs of Shusaku Endo
All rights reserved.

Перевод с японского *Сергея Логачева*
Художественное оформление *Максима Сазонова*

Эндо, Сюсаку.
Э64 Самурай / Сюсаку Эндо ; [перевод с японского
С. Логачева]. — Москва : Эксмо, 2024. — 416 с.

ISBN 978-5-04-196923-3

Начало XVII века. Самурая Рокуэмона Хасэкуру отправляют с важным заданием — установить торговые контакты с Новой Испанией. Но Самурая в путешествии терзают сомнения: не станет ли он жертвой обмана сегуна и его помощников?

**УДК 821.521-31
ББК 84(5Япо)-44**

© Логачев С., перевод на русский язык, примечания, 2024
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

ISBN 978-5-04-196923-3

Глава 1

Падал снег.

К вечеру, когда потемнело небо, проливавшее хилый свет на каменистые берега речушки, вдруг наступила тишина. Редкие снежные хлопья кружились в воздухе.

Самурай и его слуги заготавливали хворост. Снег запорошил их простую одежду, падал на лицо и руки и сразу таял, как бы напоминая о бренности бытия. Люди молча стучали топорами, а снег, не обращая на них внимания, начал затягивать в свою круговерть окрестности. Сумерки, смешиваясь со снегом, захватывали новое пространство; все, что еще оставалось в границах видимости, затянула серая пелена.

Наконец Самурай и его люди закончили работу и взвалили на плечи вязанки хвороста. Приближалась зима — надо запастись дровами. Вытянувшись в цепочку, как муравьи, люди возвращались в долину берегом речушки. Снег падал им на лица.

В глубине долины, в окружении холмов, поросших увядшей растительностью, стояли три деревни. Все жилые постройки в них были поставлены так, чтобы холмы оставались за спиной, а фасады смотрели на поля. Благодаря такому расположению можно прямо из дома

издали увидеть незнакомца, появившись он в долине. Стоящие в ряд, будто придавленные к земле хижины с крытыми соломой крышами. В каждой под потолком устроен сплетенный из бамбука навес, где сушатся хворост и трава. В хижинах темно и воняет, как в хлеву.

Самураю было известно все, что делается в трех деревнях. Когда умер его отец, князь пожаловал семье эти деревни и земли как наследство. Теперь Самурай, как старший сын, должен по первому приказу собирать своих крестьян на работы, а в случае войны без промедления привести отряд в распоряжение своего военного начальника господина Исиды.

Жилище Самурая выглядело лучше хижин, где жили его крестьяне, хотя являло собой всего лишь несколько крытых соломой строений. От крестьянского подворья оно отличалось наличием нескольких амбаров и большой конюшни. Все это хозяйство окружал земляной вал. Правда, в сражении такой вал вряд ли бы помог. На возвышающейся над долиной с севера горе сохранились остатки крепости, принадлежавшей прежнему хозяину здешних мест, который был разбит войском князя. Теперь, когда военная смута в Японии закончилась и князь стал самым могущественным даймё¹ в Митиноку², род Самурая в таких сооружениях не нуждался. Несмотря на разницу в положении, Самурай

¹ Крупнейшие военные феодалы средневековой Японии, элита самурайского сословия. В начале XVII века в стране насчитывалось около двухсот даймё. — *Здесь и далее прим. перев.*

² Историко-географическое понятие, буквально означающее «внутренние территории». В Средние века район Митиноку включал в себя несколько провинций, территориально совпадающих с современными префектурами Фукусима, Миядзаски, Иватэ и Аомори на северо-востоке острова Хонсю.

работал в поле наравне со слугами, выжигал с ними в горах уголь. А его жена вместе с другими женщинами ухаживала за коровами и лошадьми. Три деревни обязаны платить князю подать: шестьдесят пять канов¹ — шестьдесят с заливных полей и пять с суходольных.

Временами налетал ветер, поднималась вьюга. За Самураем и его людьми по дороге тянулась длинная цепочка следов. Никто не трепал языком, шли в безмолвии, как послушные быки. Подойдя к деревянному мостику, нареченному местными жителями Мостом двух криптомерий, Самурай увидел застывшего как изваяние Ёдзо. Как у всех остальных, волосы Ёдзо припорошил снег.

— Ваш дядя изволили прибыть.

Самурай кивнул, снял с плеч вязанку и положил к ногам Ёдзо. Самурай походил на живших в этом краю крестьян: те же глубоко посаженные глаза, скуластое лицо, и пахло от него тем же — землей. Так же немногословен и скуп на эмоции. Визиты престарелого дяди вызывали у него тяжелое чувство. После смерти отца к Самураю по праву старшего сына перешел контроль над главной ветвью рода Хасэкура, однако по всем делам он все еще советовался с дядей, который вместе с отцом Самурая участвовал в нескольких походах в составе княжеского войска. В детской памяти Самурая осталась картина: дядя с красным от выпитого сакэ лицом, греясь у очага, устроенного в полу, говорил ему:

— Року, погляди-ка! — И показывал темный шрам на бедре.

Это был след от пулевой раны, которую дядя получил в сражении с войском клана Асина при Суриагэ-

¹ 1 кан = 3,75 кг.

харе. Он очень ею гордился. Но в последние четыре-пять лет дядя заметно сдал и всякий раз, появляясь в доме Самурая, начинал за чашечкой саке жаловаться на жизнь. И излив душу, уходил, волоча покалеченную правую ногу.

Оставив слуг, Самурай стал подниматься по тропинке к дому. В просторном сером небе плавали снежинки; дом, амбар и другие постройки вырастали перед ним, своими темными очертаниями напоминая крепость. Из конюшни пахло соломой вперемешку с навозом, лошади, услышав шаги хозяина, били копытами. У входа в дом Самурай тщательно отряхнул прилипший к одежде снег. Войдя, он увидел у очага дядю. Тот грел руки у огня, вытянув больную ногу. Рядом в почтительной позе застыл старший сын Самурая, которому скоро должно было исполниться двенадцать.

— А-а, это ты, Року? — Дядя зашелся в кашле — видно, вдохнул дым из очага.

При виде отца Кандзабуро понял, что спасен, и, поклонившись, убежал на кухню. Дым из очага спиралью поднимался к закопченному потолку по свисавшему сверху длинному шесту с крюком, за который, когда возникала потребность в горячей воде, цепляли чайник. На этом самом месте при отце и теперь при его старшем сыне решались самые разные вопросы, улаживались распри и споры между жителями близлежащих деревень.

— Я был в Нунодзаве, видел господина Исиду. — Дядя снова закашлялся. — По поводу земель в Курокаве... Господин Исида сказал, что от замка ответа еще нет.

Не говоря ни слова, Самурай ломал сложенные возле очага сухие ветки. Их треск помогал ему сносить нитье дяди. Самурай молчал не потому, что ничего не чув-

ствовал и ни о чем не думал. Просто этот пропахший землей человек не привык выставлять напоказ свои эмоции и терпеть не мог действовать против чьей-то воли. Но еще больше его удручали разговоры о прошлом, которое все никак не давало дяде покоя.

Одиннадцать лет назад князь построил новый замок с посадом и занялся распределением владений среди своих вассалов. Семье Самурая вместо земель в Курокаве, где она жила несколько поколений, выделили эту долину с тремя деревнями. Переселение на эти земли, куда более скудные, чем те, которыми семья владела прежде, укладывалось в план князя по развитию неосвоенных территорий, но у отца Самурая было свое объяснение причин, почему пришлось перебираться на новое место. После того как светлейший кампаку Хидэёси¹ подчинил себе князя, недовольные этим кланы, прежде всего Касаи и Одзаки, подняли мятеж, к которому присоединились несколько дальних родственников семьи Самурая. Мятежников разбили, отец дал им убежище и позволил скрыться, а князь это запомнил и, наверное, поэтому вместо Курокавы задвинул семью на неудобья. Так считал отец Самурая.

Ветки трещали в очаге, как будто жалуясь на несправедливую судьбу. Прямо как отец и дядя. Дверь кухни отодвинулась в сторону, и жена Самурая, Рику, поста-

¹ Тоётоми Хидэёси (1537—1598) — военный и политический деятель. Покончив с феодальными междоусобицами, сыграл большую роль в объединении Японии в централизованное государство. В 1585 г. принял звание регента (кампаку), в дальнейшем стал главой императорского правительства. Его правление ознаменовалось запретом христианства в Японии.

вила перед мужем и дядей саке и суп мисо¹ в посуде из высушенных листьев магнолии. По виду дяди и мужа, продолжавшего молча ломать ветки, она поняла, что и сегодня разговор идет все на ту же тему.

— Эй, Рику! — Дядя повернулся к ней. — Придется и дальше жить в этой замшелости.

Замшелость... Местное словцо, которым называли дикие, неосвоенные земли. Каменистая речушка, скудные поля, с которых снимали немного риса, а так только гречиху, просо и редьку. Кроме того, зима в долину приходила раньше, чем в те места, где семья Самурая обитала прежде, и была намного холоднее. Все вокруг — холмы, лес — укутывало белоснежное покрывало; укрывшись в своих темных жилищах, обитатели долины долгими ночами прислушивались, как ветер скребет по крышам, и ждали наступления весны.

— Эх! Будь сейчас война, мы бы показали, на что способны, и за заслуги бы нам воздалось, — растирая худые колени, проворчал дядя.

Но времена, когда князь ходил в военные походы, давно прошли. Хотя с западными провинциями было еще не все ясно, восток уже подчинился власти Токугавы², и теперь даже Его Светлости, первому даймё в Митиноку, не было дано права самовольно распоряжаться находившимся под его началом войском.

¹ Ми со — суп японской кухни, основой которого является паста мисо, густая масса из перебродивших соевых бобов, служащая приправой.

² Речь идет о Токугаве Иэясу (1543—1616), политике и военачальнике, в 1603 г. основавшем сёгунат Токугава — систему военного правления, существовавшую в Японии более двух с половиной веков вплоть до 1868 г. Сёгун Токугава Иэясу и его наследники завершили объединение страны, окончательно покончив с феодальной раздробленностью.

Теперь Самурай ломал ветки вместе с женой. Под треск веток они терпеливо слушали дядю, пытавшегося с помощью sake и разглагольствований о своих подвигах скрыть собственную неприкаянность и недовольство жизнью. Они слышали его хвастливые рассказы и нытье много раз и стали воспринимать эту заплевываемую жвачку как нечто, без чего старики не могут обходиться.

Уже среди ночи Самурай послал двух слуг проводить дядю. В раздвинутую дверь были видны разрывы в облаках, подсвеченных таинственным лунным светом. Снег прекратился. Собака лаяла, пока фигура дяди не скрылась из виду.

В долине больше войны боялись голода. Еще были живы старики, хорошо помнившие, сколько бед принесли холода и непогода, случившиеся в этих местах много лет назад.

Зима в том году выдалась на удивление мягкая и больше походила на весну: горы на северо-западе постоянно затягивала туманная дымка, за которой их было едва видно. Но в сезон дождей, начавшийся в конце весны, с неба лило не переставая, и даже с наступлением лета утром и вечером было так холодно, что не разденешься. На полях ничего не росло, многие посева погибли.

Есть стало нечего. Приходилось питаться корешками лиан, которые обитатели долины выкапывали в горах, рисовыми отрубями, соломой и бобами, заготовленными на корм скоту. Когда и это кончилось, стали забивать лошадей — что может быть дороже для крестьянина? — и собак; ели кору и траву, чтобы заглушить голод. А когда все съели подчистую, крестьяне побросали

хозяйство и разбрелись из деревень кто куда в надежде отыскать хоть что-то съестное. В пути люди падали от голода, родня и близкие ничем не могли им помочь и оставляли умирать. Трупы пожирали бродячие собаки, клевали вороны.

С тех пор как семья Самурая поселилась в этих местах, такой страшный голод не повторялся, но отец все равно приказал крестьянам собирать в мешки каштаны, желуди, осыпавшееся просо и закладывать на хранение на устроенные под крышей настилы. И теперь, видя в каждом хозяйстве мешки с припасами, Самурай вспоминал не нудного дядю, а тихого, немногословного отца, оказавшегося сообразительнее брата.

Но даже отец не мог скрыть грусть, вспоминая о плодородных землях, доставшихся семье от предков:

— В Курокаве и в голодные годы можно было жить.

Там, на равнине, можно было снять много зерна, было бы желание приложить руки. А на здешних тощих почвах вырастали только гречиха, просо да редька, но и их на каждый день не хватало, потому что со скудного урожая надо было еще заплатить подать князю. В доме Самурая случались дни, когда в вареный рис или просо приходилось добавлять ботву редьки. А крестьяне ели даже дикий лук.

Однако, несмотря на сетования отца и дяди, неприязненных чувств к этой скудной земле у Самурая не было. Здесь его территория, он получил ее от отца как старший сын и вместе со своими крестьянами, такими же широкоскулыми, с глубоко посаженными глазами, молча трудился, как вол, с раннего утра до самой ночи. И у него с ними не было ни ссор, ни споров. Они возделывали худородные поля и исправно платили по-

дати, даже если для этого приходилось недоедать. Разговаривая с крестьянами, Самурай забывал о том, что его с ними разделяло, и ощущал соединявшие их тесные узы. Единственным своим достоинством он считал умение терпеть. Впрочем, крестьяне были еще безропотнее и терпеливее.

Иногда Самурай, взяв с собой старшего сына Кандзабуро, взбирался на низкую гору, возвышавшуюся к северу от их усадьбы. Там сохранились поросшие бурьяном развалины крепости, выстроенной самураем, который прежде владел этими землями. Во рву, скрытом в зарослях кустарника, среди засыпанных опавшей листвой остатков земляных укреплений можно было отыскать обгоревшие зернышки риса, разбитую чашку. С открытой всем ветрам вершины они смотрели на долину, на деревни. Унылая, печальная земля. Крестьянские хижины будто старались к ней прижаться.

— Это... это моя земля, — шептал про себя Самурай. Если больше не случится война, он проживет здесь всю жизнь, как отец. А когда умрет, земля перейдет по наследству к старшему сыну, и тот, наверное, проживет свою жизнь так же. И они никогда не покинут эту землю.

Еще Самурай вместе с Ёдзо ходил ловить рыбу в озерце у подножия той же горы. Заросший густым тростником водоем облюбовала стая коричневых уток, которые садились на болото поздней осенью. К уткам присоединялись три или четыре длинношеие белоснежные птицы — лебеди, прилетавшие из-за моря, из далеких краев, где царят холода. Когда наступала весна, перелетные птицы, хлопая большими крыльями, взмывали в небо над долиной и улетали. И каждый раз провожавшему взглядом птиц Самураю вдруг при-

ходила в голову мысль, что им знакомы страны, в которых ему никогда не суждено побывать. Но он им не завидовал.

Господин Исида вызвал к себе Самурая. Ему надлежало прибыть в Нунодзаву для разговора.

Когда-то семьи господина Исида и нынешнего князя враждовали между собой, но нынешний глава рода Исида стал одним из наиболее приближенных к Его Светлости сановников.

Взяв с собой Ёдзо, Самурай рано утром покинул долину и ближе к полудню уже был в Нунодзаве. Шел холодный дождь. По воде, заполнявшей ров вокруг резиденции господина Исида, которая была еще обнесена стеной из камня, расходились и исчезали бесчисленные круги от падавших с неба ледяных струй. Едва Самурай успел перевести дух в комнате для посетителей, как вошел господин Исида. Приземистый и кругленький, в парадной накидке-хаори и с улыбкой на лице, он справился у Самурая, сидевшего в почтительной позе, опершись ладонями о покрытый черным лаком деревянный пол, о здоровье дяди.

— Вчера он опять сетовал здесь на жизнь, — живо улыбнулся господин Исида.

Самурай смущенно поклонился. Всякий раз, когда отец и дядя обращались с прошением вернуть им земли в Курокаве, господин Исида передавал их петиции в замок князя. А недавно Самурай услышал от господина Исида, что петиции от просителей поступают в замок валом и лежат без движения в Высшем совете. Князь обычно оставляет их без ответа, за исключением каких-то особых случаев.

— Он старый человек. Понимаю его настроение, но... — Улыбка вдруг пропала с лица господина Исиды. — Войны кончились. Найфу¹ сейчас сосредоточен на Осаке², и Его Светлость следует этой линии.

Голос господина Исиды стал громче. «Неужели, — подумал Самурай, — он призвал меня, только чтобы высказать это? Хотел сказать, что от этих петиций никакого толка?»

Грусть сжала грудь Самурая — его точно холодной водой окатили. Сам он уже успел привязаться к долине, но разве можно вот так сразу выбросить из памяти землю, политую потом предков, где живет их память? Теперь, когда господин Исида ясно сказал, что от нее надо отказаться, у Самурая перед глазами встало полное грусти лицо покойного отца. И раздосадованного дяди — тоже.

— Трудно это, конечно, но надо как-то ему объяснить. Времена-то меняются. Никак не может уразуметь старик.

Господин Исида с сожалением посмотрел на опустившего голову Самурая и продолжил:

— Пойми, Высший совет не только вашей семье отказывает. Многие мэсидаси³ просят вернуть старые земли, и у старейшин Высшего совета это вызывает го-

¹ Один из титулов Токугавы Иэясу, который он носил, передав своему сыну Хидэтадэ титул сёгуна.

² Осака была последней цитаделью оппозиции сёгунату Токугава, которую возглавлял клан Тоётоми. В 1615 г. войска Токугавы Иэясу взяли штурмом Осацкий замок, глава клана Тоётоми покончил с собой. Так было устранено последнее препятствие на пути объединения Японии под властью Токугавы.

³ Мелкопоместные самураи. В случае войны они были обязаны явиться к своему военачальнику.